

ЛАБИНЦЫ И ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ

1920 г.

Группа Георгиевских кавалеров Русско-Турецкой войны 1877-78 гг. и урядников-гвардейцев на льготе Конвоя Российских Императоров — Александра 2-го, Александра 3-го и Императора Николая 2-го — одной из станиц Кубанского Войска. Снимок 1914 года.

БРОШЮРА №.....

Нью-Йорк. 1962 г.

ЛАБИНЫ
И
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ.

1920-й год.

/ брошюра-№ 6-й /

О Г Л А В Л Е Н И Е:

- 1.- На станции Индюк. Хорунжий Меремьянин 1-й,
- 2.- На Лысой горе. Зеленый...
- 3.- Жена лесника,
- 4.- В селе Садовое. Гибель сотника Веприцкого,
- 5.- Опять на Лысой горе в доме лесника,
- 6.- Вновь на Гойтх. Генерал Шляхов и полковник Посевин,
- 7.- На фронте. Учащаяся молодежь. Сотник Федя Прохода,
- 8.- Произвол...
- 9.- Гаидамаки...
- 10.- Отряд генерала Кислаго,
- 11.- Печальный день нашей дивизии...
- 12.- Ночь в пространстве... ков,
- 13.- Отход на юг... Генерал Науменко и полковник Жу-
- 14.- Св. Пасха в с. Лазаревском. Сотник Гончаров. Полковник Литви-
- 15.- Военская этика, ненко,
- 16.- Казачья "слабость"...
- 17.- Генерал Хоранов,
- 18.- Полковое братство,
- 19.- Сестренка Надюша...
- 20.- Разсуждения...
- 21.- В Сочи. В глубоком тылу Армии. Лука Баранов,
- 22.- Опять в своем полку. Войсковой Старшина Ткаченко,
- 23.- Географическая карта Закубанья, с обозначением маршрута от-
хода к Туапсе 1-го, 2-го и 4-го Кубанских конных корпусов,
4-го Донского конного корпуса и Правительственного Отра-
да Кубанского Войска с Атаманом генералом Букретовым,
- 24.- Карта боевого пути 1-го Лабинского полка Гойтх-Индюк Лысая
гора, село Садовое, вновь Индюк-Гойтх, село Георгиевское до се-
ла Лазаревского на Черном море, с 15-го по 28 марта 1920г.

- . -

Цена брошюры - 1 дол. Выписывать по адресу:

Mr. Th. Elyseev, 502 W. 177 St., Apt. 1 C
New York 33, N.Y.

К У Б А Н Ъ

село Садовое
16.3.20

Сев.

Юг.

ГОРА

Черно
и
горы

К У Б А Н Ъ

Индюк

с. Георгиев
ское
25.3.20

МОРС
горы

Бивак в лесу
в горах.

плато

ТУАПСЕ

Черное
Море

Боевой путь I-го Лабинско-
го полка: Гойтх-Индюк-Садовое
-Индюк-Гойтх-Георгиевское-Ла-
заревское с 15 по 28.3.1920 г

условные знаки:

1. Желез. дорога

2. Перевалы

3. Огневая точка

С. С. Лазаревское

28.3.20

ЛАБИНЫ

И

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ, 1920-й год.

- . -

НА СТАНЦИИ ИНДЮК. ХОРУНЖИЙ МЕРЕМЬЯНИН 1-й.

12-го марта, частями 1-го Кубанского корпуса генерала Шифнер-Маркевича был занят Туапсе и, преследуя зеленых, корпус двинулся на юг, к Сочи, для очищения всей Черноморской губернии, как наш общий путь в Грузию.

- через -

14-го марта, с утра и до вечера, двигаясь к Туапсе - Гойтский перевал прошли - 4-й Донской конный корпус и Черкесская конная дивизия. Охранять подступы к этому перевалу с востока, оставались: - Правительственный отряд Кубанского Войска силою до 5-ти тысяч штыков, под командой генерала Морозова, 3-я Кубанская казачья дивизия генерала Бабиева и за ними, у самого перевала - 2-й Кубанский корпус генерала Науменко.

В Правительственный отряд входили: Кубанское Алексеевское и Софийское военные училища, Кубанский учебный конный дивизион, Кубанский учебный пластунский батальон, Кубанская учебная батарея, сотни учащейся молодежи из средне-учебных заведений Екатеринодара, Атаманский конный полк. О последнем написано будет потом - как он образовался, Технические части, разная нестроевая команды, т.е. - весь Казачий гарнизон Екатеринодара.

В горах, этот отряд назывался, почему-то - "Пластунский корпус генерала Морозова".

При таком распределении сил - в половине дня 15-го марта, меня вызвал к себе генерал Науменко и приказал: немедленно выступить через Гойтский перевал к станции Индюк, оттуда повернуть на север, отбросить зеленых, спустившихся с гор, занять перевал у "Лысой горы", там переночевать, а на следующий день, продолжая движение на север - занять село Садовое, что находится на Кубанской территории, чем и обеспечить свободный путь войскам к Туапсе.

1-й Лабинский полк выступил. Через Гойтский перевал идет шоссированная дорога Майкоп-Туапсе. Кстати сказать - единственная на Кубани. Перевалив его и спустившись вниз - на малый привал полк остановился у станции Индюк, от которой и отходила дорога на север, к селу Садовому. У маленькой жел-дорожной станции - никаких частных построек. За нею, к югу - глубокое ущелье, а за последним, высоким голым мрачным шпилем - гора Индюк.

Кто-то доложил, что в этой станционной постройке безпомощно лежит наш тяжело-раненный 25 февраля под х. Лосевым, хорунжий Меремьянин 1-й, командир 6-й сотни.

Он был любим в полку. Почти со всеми офицерами иду к нему. На голом диванчике, под одеялом, лежит этот очень приятный молодой офицер. Возле него молоденькая жена, совершенно простая казачка, маленького роста, одетая чисто по-станичному - в теплой широкой кофте и в широких юбках. Она вся поглощена горем и заботой о своем муже.

Увидев нас - Меремьянов просиял. "Здравия желаю, господин полковник", слабым голосом произнес он первым, а жена его, узнав кто я - заплакала.

Они добрались сюда, из своей Константиновской станицы, собственными силами, но здесь раненый никому ненужен... Проходящие поезда не берут его

"как тяжелую ношу"... У него, шрапнельным разрывом, поврежден позвонок и он не может, даже, сидеть и только лежит, так рассказал он о себе.

Возмущенный - немедленно же телефонирую генералу Науменко на станцию Гойтх и взываю его к власти - "немедленно-же дать распоряжение проходящим поездным составам увести этого доблестного офицера в Туапсе и дальше в Крым".

Науменко искренне обещал сделать все что возможно в его власти и Меремьянин, действительно, скоро был перевезен в Туапсе и потом в Крым. Одновременно я проявляю все свое внимание к раненому, успокаиваю его и жену. Приказываю полковому казначею выдать ему жалованье и под, емные деньги за два месяца вперед, согласно приказа Главнокомандующего генерала Деникина. И вижу, как на лице милой сестры-казачки, сквозь уставшие заплаканные глаза - появилась мягкая благодарственная улыбка простой и неискушенной станичной женщины, почти подростка.

Распрощавшись с этой несчастной семейной парой - полк повернул круто на север и, по снежной дороге в лесу, направился на перевал у Лысой горы.

За-границей узнал от станичников хорунжаго Меремьянина, что он очень скоро умер в Крыму; жена родила там-же сына... Дальнейшая судьба ее не известна. Так, по разному, гибли тогда казаки, о чем и повествую Войсковой Истории.

НА ЛЫСОЙ ГОРЕ. ЗЕЛЕНый...

Полк идет пока без дозоров. Пройдя может быть 200 шагов от станции Индюк - вижу, в стороне от дороги, лежит казак в черном бешмете, раскинув ноги - лицом вниз, в снег. Посылаю ординарца узнать - в чем дело?

"Казак убит", докладывает вернувшийся.

"Откуда это?... кем мог быть убит казак так близко от станции Индюк?" думаю.

С врачом, рысью подошли к нему. Ординарец перевернул тело вверх лицом. Убитому лет 35-40. Черная густая подстриженная борода. Крови на нем нет. Врач тут-же констатировал, что он не убит а чем-то оглушен. Нашатырным спиртом доктор оживил его. Он оказался казаком 2-го Лабинского полка, был на фуражировке, здесь его схватили зеленые, хотели увести с собой, но он отказался и тогда они ударили его чем-то тяжелым по голове. Он потерял сознание и после этого - ничего не помнит.

Значить зеленые близко. Вперед выслан офицерский раз, езд. Через какую-либо версту нашего движения - вижу верхового казака, который строжит одну фигуру в штатском костюме.

"Господин полковник - нагнали мы вот его", докладывает казак.

"Кто ты таков?" строго спрашиваю, рассматривая эту фигуру в потертом городском костюме, в ботинках. Светлый блондин, лицо чистое, уставшее - не бритое несколько дней. Под мышкой он держит пол-буханки белого хлеба и оламывая по-кусочку - ест, явно демонстрируя, что он, якобы, голодный.

"Я из Туапсе... меня увели с собою зеленые.. но я нарочно приотстал, что-бы не идти с ними", говорит он мне и продолжает есть хлеб.

"Кто убил казака?" еще строже спрашиваю.

"Его не убили, а только ударили по голове... он не хотел с нами идти, когда его взяли в плен" - продолжает зеленый и поясняет на мой вопрос, что зеленых было около ста человек... они отходят к перевалу у Лысой горы... советует как можно скорее поспешить за ними, т.к. ежели они займут

перевал у домика лесника - их трудно будет оттуда выбить.

Последние слова его, меня подкупили. Я нисколько не сомневался, что он активный зеленый, и его жизнь находилась в моих руках.

Много было конных атак, и в Корниловском, и во 2-м Хопквском и в 1-м Лабинском полку, коими я одновременно командовал. Много было взято пленных этими полками. Но - ни в атаках я лично никого не зарубил, как и не обидел и словами ни одного пленного. Теперь мы уходим в Грузию. Что даст нам смерть от этого пленного?

"Иди куда хочешь... даже и в Туапсе", сказал я ему, этому полу-интеллигентному зеленому в городском костюме и двинулся с полком вверх, по снежной дороге строевого леса.

Колесная дорога шла на крутой под, ем. Она избита колеями в замерзшей грязи, покрыта теперь снегом и движение по ней тяжелое, в особенности пулеметным линейкам.

Ровно к ночи, полк достиг перевала у Лысой горы. Зеленые без боя отошли вниз, на север, в Кубанскую равнину.

Лысая гора, названа потому, что по форме, она походит на "лысую голову", на шаровидную голову. На ней ни деревца. Вся покрыта снегом. На самом перевале, так же нет леса. Лысая гора, от перевала, отделена неглубоким ущельем к северо-западу и находится на Кубанской территории. У самого перевала, с южной стороны, стоит маленькая хатенка, сарайчик и маленький дворик огорожен высоким плетнем. Это и есть "хата лесника", как сказал зеленый.

В сумерках наступающего вечера и холода, на снежном фоне - от этого маленького строения с огоньком в окне - так запахло уютом, что невольно хочется как можно скорее войти в него.

Ж Е Н А   Л Е С Н И К А .

Сторожевая сотня заняла посты. Я вошел в хату. В ней молодая стройная женщина лет под 30 и дочка лет 10-ти. Хозяйка приветливо, но боязливо, встретила вошедших, штаб полка. На мои вопросы, она сказала, что ее муж местный лесничий, бывший солдат. Он "связался" с зелеными... да и нельзя было иначе - живем в глуши... они могли и убить мужа. И он ушел с ними в село Садовое, до которого, по лесной дороге, верст 15-20. Она очень просит не обижать ее. Семья тут не при чем. Да и муж уж не такой зеленый - добавляет она. Я ее успокоил.

Пришел дежурный по полку офицер и доложил, что у хозяйки есть корова и двух-летняя телка. Полку надо мясо. Хозяин ушел с зелеными. "Позвольте все взять и зарезать на суп казакам?" закончил дежурный офицер. И только что он это произнес - как и хозяйка и в особенности ее дочка - громко зарыдали. В особенности дочка. Она бросилась к матери на шею и истерично закричала:

"Мама-мама!... мою Машку они зарежут!... а я-я-ай!"
Мать, бедная мать, борясь со своими слезами - успокаивает ее, говоря, что "дядя пошутил... и Машку твою не зарежут"...

Девочка не верит матери, т.к. она это "сама слышала"... Мне так стало жаль их обоих! Невинные жертвы людей. Я подхожу к ним, глажу девочку по головке и говорю, что "дядя пошутил... и ее Машку никто не тронет".

Девочка, недоверчиво глядя на меня, немного успокоилась. Потом я сказал хоряшке уложить ее спать и потом поговорить со мною. И когда это было сделано, предлагаю ей следующее:

"Твой муж ушел с зелеными. По своей-ли воле иль чужой - это безразлично. Он находится в рядах наших врагов. За это - я могу взять у тебя все, в наказание. К тому же - казакам нужен ужин. Мы должны взять или телушку, или корову. Выбери сама. За них я щедро заплачу. Я не хочу тебя наказывать, т.к. семья тут не при чем!"

Женщина поняла мои слова. Со слезами на глазах - она просит оставить ей "коровку", т.к. она "сдойная" и в доме молочко надо. Я согласился. Но она просит сделать это тихо, что-бы не знала дочка. Телка-"Машка" - ее любимица и если она узнает об этом - слез будет "полна хата". И я сделал так, как просила эта несчастная женщина. Заплатил за телку столько, что она могла купить за эти деньги две.

НА СЕЛО САДОВОЕ. ГИБЕЛЬ СОТНИКА ВЕПРИЦКАГО.

Полк ночевал на снегу под открытым небом. Дочка хоряшки еще спала, когда мы, рано утром 16-го марта, спустились в густую лесную массу "сто-летних дубов", двинулись к селу Садовое.

Полк шел по широкой снежной дороге в анфиладе громадных дубов, которые, своими вершинами, сделали сплошную крышу над дорогой. Шли, словно, по туннели.

По отвердевающей лесной дорожке вправо - послал 4-ю сотню есаула Сахно. По сплошной чаще леса, скоро послышались частые выстрелы, эхом далеко - далеко несущиеся во все стороны.

Есаул Сахно доносит, что он наступает на село с востока. У него есть уже потери. Смертельно ранен сотник Веприцкий и убит один казак.

Дело, дрянь - думаю. Посылаю сотника Щепетного с сотней охватить село с запада, а сам с четырьмя спешенными сотнями, разсыпав их по лесу, наступаю с фронта. Коноводы и до трех десятков пулеметных и санитарных линеек глубоко назд запрудили нашу единственную дорогу к Лысой горе. Завязалась перестрелка, но из за деревьев - казаки не видят противника.

Справа показалась группа конных казаков. К нам подвезли раненого сотника Веприцкаго и убитого казака. Тела их беспомощно болтались, положенных животами поперек седел. Казаки бережно сняли их и положили на землю. У Веприцкаго ранение в левый висок. Окровавленный комочек сераго цвета мозгов из раны - неприятно действовал на глаза. Лицо его было бледно, глаза закрыты, крепко сжаты губы. Он еще чуть дышал. На нем шуба-чернеська с серебряными погонами, застегнутая на все крючки. Его дорогое серебрянное оружие, кинжал и пашку, держал в руках востовой. Полковой врач быстро достал из сумки флакончик нашатырного спирта и поднес к носу Веприцкаго. Последний потянул носом спирт, конвульсивно задргнулся, потом вытянулся и... как-бы замер.

"Ну, теперь конец", спокойно, профессионально, сказал доктор.

"Как конец?... Он-же заворохился!" с волнением говорю доктору.

"Это и есть конец... он уже не дышет... а нашатырный спирт только на миг воскресил его еще живое тело. А теперь он уже мертв" - деловито, спокойно отвечает он.

Мы все сняли папахи и перекрестились. Убитых немедленно отправили в Туапсе для похорон.

Занятия свла Садоваго затянулось. Красно-зеленые упорно вели бой.

Моя головная цепь в две сотни казаков рассыпалась по хворостяному лесу среди высоких деревьев - теряла связь. Видеть цепь в лесу можно было только в количестве одного взвода. Пули зеленых и казаков, пронизывая ветки деревьев - издавали многогранный огневой бой. Где противник? Сколько его? Куда наступать? И что нам надо было брать? - ничего не было не видно и непонятно.

Время перевалило на после-обеденное, а успехов пока никаких. Громко командуя, что бы всем было слышно, но которых не вижу - "Прекратить огонь и слушать мои слова". И еще громче и растяжнее произношу, в полной тишине:

"Если мы не возьмем Садовое, то на ночь надо возвращаться на перевал. Там холодно и голодно. И завтра придется наступать вновь... Если же мы возьмем село - там найдем, и квартиры, и фураж и еду? Отвечайте громко и коротко - "на Садовую или на перевал?!" закончил казакам в густом лесу, которых и не вижу.

"На Садо-овую-у"... На Садовую-у!" - громко пронеслось по лесу.

"Все вперед и - УР-РА-А" - выкрикнул им в ответ.

Раздвигая хворост руками цепляясь за все полами черкесок и шашек, с выстрелами "на-ходу", с криками УРА - шарахнулись по лесу все сотни вперед и скрылись совершенно из глаз штаба полка. По ним часто застучали выстрелы зеленых и скоро стихли, т.к. казаки выскочили уже на полянку с некоторыми построениями. Со своими двумя помощниками торопимся за цепями. Перед нами голые площадки с перекатами, отдельные сарайчики на сваях, но село еще не наше.

"Не выходите вперед!.. оттуда стреляют!" крикнула нам несколько голосов, но... зачем же мы сюда тогда шли? - несется мысль - как не взять это село! И я уж сам команду ближайшим казакам -

"Цепь вперед!.. занять немедленно-же село!" Казаки вскочили и побежали вперед. По ним раздалось несколько выстрелов и ... все смолкло.

Село занято. В нем никого из жителей. Все бежали. Захватили одного пленного, простого мужика, да у ручейка за селом, лежал один убитый. Пуля казака догнала его в спину и он, упав лицом вниз, так и умер.

В селе много сена и кукурузы в качанах, очищенных от шелухи и хранящейся в их маленьких сарайчиках-амбарчиках на сваях в рост человека. Эти сарайчики были полны кукурузы. Нашли и белую муку. Остались и куры. За селом казаки отхватили гуртов скота голов в пятнадцать. И надо было видеть лица казаков, что бы понять их радость.

"Сыты, сыты сегодня!" говорили лица их. "И кони наши тоже!" улыбались они.

Выставив сторожевое охранение - послал донесение в штаб дивизии о занятии села. Сотни принялись готовить себе "пир".

Сотня сотника Щепетного захватила один ручной пулемет системы "Люиса". То оказалось - были последние трофеи 1-го Лабинского полка, как и были последние потери. То был последний его бой с красными, ведущим наступательно.

Мы были очень рады, что попали сюда, потому что полк был сыт на несколько дней, а это было тогда самое главное. Так "докатались" мы до такого положения и настроения...

Меня угнетала гибель сотника Веприцкого. Он был в Кубанском гвардейском дивизионе в Екатеринодаре и оттуда командирован в 1-й Лабинский

полк в Ясную Поляну Ставропольской губ. куда и прибыл 8 февраля, т.е. на 2-й день, когда я вступил в командование 1-м Лабинским полком. В мои юнкерские годы, его отец, подесаул, был старшим адъютантом Атамана Кавказского Отдела жолковника И.Е. Гулыги. Жил он на квартире рядом с нашим домом. Таких, кажущиеся мелочи, как-то связывали меня с ним. И мне еще придется испытать "муки души", когда его мать в Екатеринодаре, придет в наш лагерь и спросит - "где мой сын"?

ОПЯТЬ НА ЛЫСОЙ ГОРЕ В ДОМЕ ЛЕСНИКА.

В Садовой полк простоял лишь сутки, как пришло распоряжение от начальника дивизии - "Оставить село и с полком прибыть к станции Гойтх". Под приказанием стояла подпись, принятая еще во время 1-й Великой войны - "Начдив Шляхов".

Мы вновь на Лысой горе, в доме лесника, но не ночуем там. Хозяйская дочка, успокоившись за свою зарезанную телку-Машку - испугалась, увидев нас. Испугалась и сама хозяйшка.

"Оставьте мне мою коровку" - плачет она бедняжка. Я успокаиваю ее и из полкового гурта, что захвачен в Садовой, - дарю ей две телки.

Она очень довольна, но печально заявляет: - "придут другие... тоже возьмут"...

Я отлично знаю, что моя записка не поможет, если сюда придет другая воинская часть, но для успокоения этой женщины в ее беспомощности и одиночестве - даю ей "лист" такого содержания:

"Жена лесника кормила нас... две телушки - подарок ей от полка за сердечность к нам... Прошу не обижать" И подписываюсь полностью как командир 1-го Лабинского полка, с приложением полковой печати. Но, как потом узнал - сюда пришла какая-то пехота и с, ели - и коровку сдойную и обоих телушек....

Прости им, Ты Господи и люди грешные, но они были голодны!

ВНОВЬ НА ГОЙТХ. ГЕНЕРАЛ ШЛЯХОВ И ПОЛКОВНИК ПОСЕВИН.

В Садовой полк взял все что возможно на свои перевозочные средства, ка сено и качаны кукурузы. Кукуруза тогда была, и корм для лошадей и еда для людей. Торбы и сумы у казаков были заполнены ею. Гуртов скота обеспечивал прлку мяса на несколько дней. Вот почему казаки полубеззаботно, в течении дня, два раза перевалили Кавказский хребет у Лысой горы и Индюк и прибыли к станции Гойтх. Штаб дивизии помещался на той-же маленькой жел-дорожной станции.

Войдя в помещение - вижу полковника Шляхова сидящего на лавке в фуфайке; рядом с ним вижу неизвестного мне человека в теплой куртке, в сапогах и в косматой неопрятной шевелюре. Генерал Арпсгофен сидел в стороне.

"Господин полковник - с 1-м Лабинским полком из села Садовая возвратился", рапортую Шляхову официально. Он приподнялся с лавки, жмет мне руку и благодарит за удачную операцию. Одновременно с ним приподнялась и та невзрачная штатская фигура, но после моего рапорта - она вдруг произносит: - "Здорово Федор!"...

Поворачиваюсь к этой невзрачной на вид фигуре и, к своему удивлению, узнаю в ней полковника Фрол Яковлевича Посевина, казака станицы Усть-Лабинской. Боже, как он переменился!

С ним я пробыл в Оренбургском казачьем училище два года. Он выпуска 1912 года. Окончил младшим портупей-юнкером и вышел хорунжим в 1-й Линейный полк. Отличный был юнкер во всех отношениях. Отличный гимнаст и ездок. "За стрельбу из винтовки" - награжден училищным золотым жетоном, установленным по всем Военно-учебным заведениям /один жетон на сотню или роту и эскадрон юнкеров в течении учебного года/ с правом ношения в строю и офицером. В Великой войне награжден всеми боевыми орденами до Георгиевского оружия включительно. Первопоходник в Улагаевском батальоне. Под Ставрополем мимолетно видел его летом 18-го года, когда он временно командовал этим батальоном в чине есаула. Теперь он член Кубанской Законодательной Рады, т.е. член самого высшего Краевого учреждения. Безпристрастно говоря - он достиг наивысшего в своем Кубанском Войске. Но как он переменился внешне? - он мрачный, заросший волосами, в полу-мужичьей одежде...

До поступления в училище - мы были с ним, хотя и в разное время, вольноопределяющимися 1-го Екатеринодарского, Кошевого Атамана Чепеги, полка и, даже, одной и той-же 4-й сотни Есаула Крыжановского. Как младшего юнкера - он очень оберегал меня в училище в первые месяцы и давал только положительные советы. Он был гораздо серьезнее меня тогда.

От радости встречи, запальчиво забросал его вопросами: - "Какими судьбами ты здесь Фрол /так мы его звали в училище/? В каком полку ты? Кем командуешь?"

"Да он не в строю-у"...вдруг насмешливо-шутейно слышу я голос Шляхова. "Он член Законодательной Рады...вот теперь-то мы его в горах и повесим... всех мы их разгоним здесь...это не в Екатеринодаре" - продолжаю слушать я урывчатые фразы своего начальника дивизии полковника Шляхова

Посевин ничего на это не ответил. Он оставался молчалив и все таким-же мрачным. А Шляхов, словно доволен своими остротами, продолжает: - "Но тебя, Фрол Яковлевич - мы помируем. Ты хороший человек и отличный был офицер". Посевин не реагировал и на это. Оказывается, они были однополчанинами и большими приятелями.

Разговор был исчерпан. Шляхов, просто, подшутил над своим другом и мы все трое улыбаемся. Молчавший до этого генерал Арпсгофен, вдруг обращаясь ко мне, весело говорит:

"А Вам, Федор Иванович, не повезло. Вы так дивно и удачно командовали дивизией и вот - сдали ее не во время... а то были-бы генералом. Вы ошиблись, рапортуя...начальник дивизии не полковник, а генерал."

Все улыбаются, но я ничего не понимаю. И тогда Шляхов рассказывает: - когда Атаман Букретов со своим отрядом присоединился к отступающим Кубанским корпусам, то для благодетельствования старших начальников - всех полковников, занимавших генеральские посты - произвел в генералы автоматически.

"Вот и попали в это число я и полковник Хоранов", закончил он свой рассказ.

Меня эти слова больше испугали, чем порадовали. Генералом быть в 27 лет от роду?!...Нет и нет! Это очень рано. По мирному времени, я был бы только старшим сотников и 6-го августа сего года, по выслуге лет, произведен в под, есаулы, в самый красивый чин - с четырьмя звездочками на погонах. К тому-же - ну зачем мне теперь чин генерала в горах, в лесах, в голоде и ... без территории! Да и душа еще хочет развиваться. И если полковнику многое недопустимо, то генералу совсем уж будет нельзя позволять многое.

Раннее производство в высокие чины без стажа - бесполезны воинскому делу.

НА ФРОНТЕ. УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ. СОТНИК ФЕДОР ПРОХОДА.

С полком, в лесу, занимаю позицию. Нас от красных разделяет поляна с пролеском. Противника мы не видим. Он пассивен. Может быть он тоже устал? И заняв хлебный район Кубани, обжидается в нем? Бог его знает, но мы знаем, что нам здесь очень неуютно.

3-я Кубанская казачья дивизия генерала Бабиева была снята и отправлена в Туапсе.

Наш 2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко разрознен, т.е. 4-я Кубанская казачья дивизия генерала Хоранова перброшена, так же, в Туапсе и Кавказской, довольно сильной и стойкой бригадой, занимают позиции на ближайших возвышенностях севернее Туапсе. Штаб корпуса там же. А меж нашими дивизиями корпуса, все пространство забито войсками, обозами, беженцами из Майкопа. Наша дивизия предоставлена самой себе... А может быть оставлена в арьергарде как самая стойкая? - думал я.

Главную позицию занимают пластуны, что прибывшие с Войсковым Атаманом из Екатеринодара. Случайно встречаюсь с сотней учащейся молодежи. Их, кажется, целый батальон. С интересом рассматриваю их на биваке. Все они одеты в английское обмундирование - новое и добротное. Издали - это вся та же "русская солдатня"... Они сняли свои громоздкие ботинки на гвоздях - "танки", как их называли в Добр. Армии и чисто по-солдатски сушат на солнце свои "онуки"....

Вглядываюсь в их лица. Лица молодые, сплошь интеллигентные, абсолютно нетронутые бритвой и - уставшие, бледные, грустные. Видна их физическая незрелость и непривычка к этой суровой походно-боевой жизни, которая выбила их силы.

Весь младший командный состав казаки-урядники. Они немного грубоваты в обращении с ними, хотя и хотят быть вежливыми, но - строевое грубое слово старых службистов-урядников - оно так неподходит к этим славным юношам.

Конечно, все они выступили в поход добровольно. И перенесут всю горечь капитуляции Кубанской армии, как и преследования от красных за этот поход.

Узнаю, что командир одной сотни сотник Федор Прохода. Нахожу его и обнимаю старого друга, "волыняка" 5-й сотни 1-го Екатеринодарского полка 1917 года, тогда уважаемый всеми нами за его солидность, за умность, корректность, доброту и дивное пение казачьих песен Черноморских. Он не выдержал со мною экзамен в Оренбургское училище и вернулся в свой полк. Не виделись с ним 10 лет. Но он, словно, и не рад встрече. Он грустен. Он устал. Молодежью он доволен. Они послушны, но мало обучены. И они очень устали, почти что выбились из сил в походе по грязи, по горам, по долам, по лесам... Но их батальон опять выступает куда-то... И мы расстались с Федей Прохода вновь и.. навсегда. Больше я его не встретил нигде.

П Р О И З В О Л. . .

"Положение на фронте Туапсинской группы не было тяжелым, но продовольственный вопрос был в катастрофическом положении.

18-го марта, на Туапсинский рейд, пришел из Крыма первый транспорт "Хоракс" с продовольствием и огнестрельными припасами. Он привез 30.000 пудов ячменя, пшеницы, рожь и муку. Прибытия этого продовольствия лишь частично удовлетворило нужды войск" - так написал генерал Науменко в своей статье "Черноморская трагедия" в журнале "Казачьи Думы" от 20 февраля 1924 г. №20, издававшийся в Болгарии и повторил это в своих Сборниках №16 май-июнь 1962г. живя под Нью-Йорком.

Полки получили почто-граммы - прислать в Туапсе офицеров-приемщиков с указанием боевого состава частей. Это была неожиданная радость, во 1-х - что нас не забыли в Крыму, а во 2-х - мы получим так необходимое продовольствие для людей и зерновой фураж для лошадей.

От 1-го Лабинского посла немедленно же был командирован офицер с несколькими казаками, что-бы получить свою золотую долю на фронт, своему родному полку, который стоит впереди и сторожит с войска Гойтский перевал.

Я вначале не понял своего офицера-приемщика, когда он смущенно доложил, что - "муку он привез, а зерно отобрал в дороге генерал Бабиев для своего конвоя".

"Как, т.е. отобрал?" с глазами, налитыми холодным стеклом злобы, спрашивая его резко. Офицер продолжает доклад-оправдание:

"Едем мы по улице уже к концу Туапсе.. на крыльце одного дома стоит генерал Бабиев и спрашивает - "Как ого полка?"

"1-го Лабинского" - отвечаю.

"Что везете?"

"Муку и зерно для полка".

"Ну, муку везите, а зерно - заворачивайте сюда", командует генерал.

"Я вначале думал, что генерал шутит и не останавливаясь, еду дальше, а он уже кричит мне: - "Стой!... не слышишь приказания, что-ли?" И сам уже командует ездовым казакам: - "Заворачивайте сюда!... ко мне во двор!"

"Я докладываю генералу, что это "наряд для полка... его ждут голодные на фронте!... Но... куда там!"

"Не разговаривать много!"... кричит он и добавляет мне - "Полком командует полковник Елисейев... ну и хорошо... мы с ним приятели и помиримся. Там он, все-же, чего-нибудь да достанет, а тут - ничего нету! Забрал фураж и отпустил меня только с мукой" - смущенно закончил он, офицер-приемщик от полка так ценного нам продовольствия.

Не буду писать о возмущении командиров сотен и обоих моих помощников Булавина и Ткаченко, которые, кстати сказать, недолюбливали своего сверстника Колю Бабиева. О своем возмущении писать не буду. Кто командовал, хотя бы сотней на фронте, в голоде и холоде, тому мои чувства должны быть понятны. О настроении, по этому поводу, казачьей массы не стану: она была молчалива и послушна.

-писать-

Немедленно же посылаю телефонограмму самому генералу Науменко в Туапсе в таких выражениях, которые сдерживались в моем негодовании воинской дисциплиной. Свое негодование закончил тем, что выразил удивление - как мой офицер не открыл огонь по захватчику... и что, в следующий раз - я буду назначать взвод казаков, с определенным указанием - "стрелять" - беря всю ответственность на себя. Тут же указал, что генерал Бабиев держит у себя две сотни "Отдельный дивизион Лабинцев Козликина", принадлежащих целиком Лабинской бригаде.

Генерал Бабиев не был подчинен генералу Науменко, но я отлично знал, что они очень дружны между собой и Науменко легко может повлиять на властного Бабиева.

Не помню - иль при следующей встрече, иль по телефону - генерал Науменко так ответил мне:

"Коля горяч, но не плохой человек; он так любит свои части. И, ведь, зерно он взял тоже для казаков... и к несчастью - уже его "потравил"... вернуть не может; но обещает в следующий раз этого не делать. И в этом дал мне слово. А насчет дивизиона Козликина - Вы правы. И он согласился вернуть его полкам, когда они встретятся с дивизией Бабиева".

Я немного "отошел" от злобы, т.к. Науменко, всегда оч. учтиво разговаривал со мною. 1-й Лабинский полк был, ведь, боевою опорой всего его корпуса!

ГАЙДАМАКИ . . .

"Елисеев!... Вы слышали, что у нас в Кубанской армии есть теперь Гайдамацкая дивизия?" спросил как-то меня генерал Науменко перед Гойтсхим перевалом. Ответив отрицательно - слышу его рассказ:

"Ну и выдумали-же!... это ведь Таманские и Полтавские полки - продукт некоторых членов Рады. Они сейчас подчинены мне. Ею командует полковник Буряк. Я считаю его неподготовленным к этому и хотел заменить другим, но мне из Туапсе ответили, из Правительства, что если назначить другого офицера, то к новому начальнику дивизии будет назначен член Рады "для наблюдения".

"Почему?" - запросил я их, продолжает Науменко.

"Да потому, что гайдамаки верят только одному Буряку", отвечают мне из Правительства.

"Так что это - вроде комиссара в дивизии?" - возмущаюсь я ими. "А они отвечают - как хотите назовите, но если Буряк будет смещен - будет, именно, так и сделано. Пришлось оставить Буряка" - закончил этот оригинальный рассказ мне генерал Науменко.

Наша дивизия оставила перевал и перешла к Индюку. Выбирает площадку для поста полка - наткнулась на очищенный бивак. На нем еще осталось несколько казаков, увязывающих двуколки.

"Какого полка?" спрашиваю.

"Та Гайдамацкой дивизии"... отвечает мне один из них безпечно и не посмотрев, даже, на меня. для на Черноморский язык.

"А кто Вами командует?" - интересуюсь я, зная рассказ Науменка, перехо-

"Та пувковник Буряк" - также безпечно отвечает он. Я-же, словно ничего не зная об этой дивизии, допытываюсь:

"Цэ вони, ці гайдамаки, з України прийшли сюди, помогать нам?"

"Та ні-і!... ми Таманці та Полтавці... ну, начальство і зробило з нас гайдамаків", немножко оживленно, о некотором юморе ответил мне это не-известный обозный казак Гайдамацкой дивизии.

ОТРЯД ГЕНЕРАЛА КИСЛАГО.

Все наши части, без боя, оставили Гойтсхий перевал и сосредоточились у жел-дор. станции Кривянка. Здесь довольно широкая долина, по которой протекает речка Туапсинка; рядом тянется шоссе и жел-дор. линия на Туапсе.

Мы уже несколько дней видим возле себя "Отдельный Отряд генерала Кислаго". Он составлен из казаков Ейскаго Отдела, атаманом которого и есть этот генерал. Он пеший и в нем до 400 штыков. Командует он им "по-батьковски". Да и вид его соответствующий. На нем широкая, темного цвета, тужурка. Широкие темно-синие шаровары вобранны в сапоги "с напуском". На голове крупная папаха черного курпая. Сам он крупный, широкий, с седой не длинной и неопределенной формы бородой. На нем бинокль, большая полевая сумка и еще что-то на груди и на боках. В руках у него длинный толстый посох-палка. Опираясь на этот посох-палку - он пешком идет со своим отрядом, как рядовой боец. Вся картина - достойна умиления, но в интересах боевого дела - этих казаков надо было влить в один из пластунских батальонов, а "Діда-генерала Кислова", как называли его подчиненные - приютить где-то в тылу.

Его отряд ушел к Туапсе и на фронте осталась только наша 2-я Кубанская дивизия.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕНЬ НАШЕЙ ДИВИЗИИ. . . .

Генерал Шляхов заболел и эвакуирован. В командование дивизией был

назначен полковник Семен Семенович Жуков, несостоявший в рядах нашего корпуса. Это был родной брат флигель-адъютанта Конвоя Его Величества есаула Жукова, застрелившегося на фронте в 1915-м, или 16-м году и Георгий Семенович Жуков, полковника, нашего командира 1-й бригады по Финляндии конца 1917 года. Он был так же в Конвое молодым офицером. Разстрелян красными 24 марта 18-го после нашего Кавказского Возстания. Все братья были высокого роста, стройны и красивы. Семен Семенович добрый, спокойный, хорошо воспитанный и умный офицер, но медлительный. Черная борода с проседью - старили его.

22 марта было занято Сочи и все части, беженцы и обозы, естественно, устремились туда. В аррьергарде оставался наш корпус, имея 4-ю дивизию генерала Хоранова в самом Туапсе а нашу - у станции Кривянка. От нея, до Туапсе - около 25-ти верст. Задача нашей дивизии, в случае натиска красных - отходить на Туапсе.

Был день Благовещения 25 марта. Две сотни 1-го Лабинского полка занимали позиции по долинке, а остальные полки растянулись по шоссе за ними, держа лошадей в поводу.

К моему резерву под, ехал штаб дивизии, спешился и остановился за выступом горы. При полковнике Жукове и начальник нашей артиллерии, полковник Кочергин, казак станицы Белореченский. У него седая борода, закоптелая от курения. Оба полковника, видимо, старые друзья. Им, думаю, было каждому около 50-ти лет и перед нами, молодыми штаб-офицерами, они казались очень пожилыми. /Батарей при дивизии, почему-то, не было/.

Стоя за выступом - они бесконечно курили и вели какие-то разговоры-воспоминания о былом Турецком фронте и о знакомых офицерах. Это так не вязалось с тем, что мы находились на позиции и положение наше было не прочное. Мы уже знали телефонограмму генерала Науменко, что Кавказская бригада ведет бой у самых подступов к Туапсе с севера.

Было тихо крудом. Никакой перестрелки. Мы чувствовали, что стоим совершенно напрасно. Предлагаю своему другу, полковнику Аф. Ив. Кравченко, как старшано в чине, доложить нач. дивизии, что надо отходить.

"Да неловко, как-то", отвечает он мне, и предлагает мне это сделать.

"Ты, Афоня, старший в чине, ты и доложи", урезониваю его. Но он отказался.

Какая-то подозрительная тишина со стороны красных зловеще говорила, что они к чему-то готовятся. Так время протянулась до полудня. И вдруг, новая и последняя телефонограмма от генерала Науменко:

"Туапсе оставлено нами. Дивизии, через село Георгиевское, спешно, через перевалы, выйти к морю".

"По коням!" - медленно командует полковник Жуков и дает мне указание - "Отступать, когда полки втянутся в дефиле у села Георгиевского".

Полки "втянулись" и тут-же, с фронта, и с фланга с севера, с гор, из леса открыт был огонь красных. Вводною колонною по кустарникам долинки, широкой рысью следуя за полками, которые уже подходили в с. Георгиевскому - как от этого села затрещали частые выстрелы в упор полкам. Я вижу, как 2-й Лабинский полк, повернув круто назад - в беспорядке скачет мне навстречу, спасаясь от выстрелов. Впереди, на тачанке, поддерживаемый двумя казаками - в череске, весь в крови, лежит сотник, полковой их адъютант, тяжело раненый. Боясь, что 2-й Лабинский полк "сомнет" нас - круто сворачиваю голову полка направо, к югу, и устремляюсь по перелескам на продольный хребтик. 2-й Лабинский полк сворачивает туда же. Перевалив его - оста

-нови-

лись в безлесой долинке. И так - путь нашего отхода через село Георгиевское - оказался отрезан зешеными.

В этой долинке сгрудились все полки и... в достаточном беспорядке. Тут-же и спокойный и безразличный начальник дивизии полковник Семен Семенович Жуков.

Из всех 4-х командиров полков, я был самый младший в чине и летах. Но не только я знал - знали все в дивизии, что 1-й Лабинский полк является самым стойким и сильным во всем корпусе, с чем описано в предыдущих брошюрах отзывы о нем генералов Улагая и Науменко.

Я никогда не любил "мягких и добрых офицеров". Военная стихия не для них. Во всем был виновен только полковник Жуков, что дивизия зря задержалась у Кривянки, не заняла заранее села Георгиевского, как путь нашего отхода и, вообще, - ничего не было предпринято, а были лишь праздные разговоры "с былом" двух старых штаб-офицеров.

Беря инициативу на себя - под,скажу к Жукову и спрашиваю: - "Что дальше делать?"

"Ваш полк надежный, полковник... ведите его по Вашему усмотрению, а мы будем следовать за Вами".

Я в некотором недоумении от этого задания, но поддерживает командир 1-го Кубанского полка Кравченко.

"Федор Иванович - не теряй времени!... чорт знает чем все это закончится!?"

Молча бросаю взгляд на командира 2-го Лабинского полка полковника Александра Павловича Кротова, с которым был в хороших отношениях и который был почти сверстник летами Жукову, как бы спрашиваю его - "А по Вашему как?"

Он скорбно посмотрел на меня и промолвил: - "Конечно, Федор Иванович".

Летом 1919 года здесь действовал против зеленых 3-й Уманский полк полковника Гамазия, в котором я был помощником. Местность здесь немного знакома. Я знал, что ниже к Туапсе, есть дорога в женский монастырь, который я занимал тогда двумя пешими сотнями, почему и решил - выйти на шоссе и добраться до него.

С полком двинулся к шоссе, но через строевой лес у берега Туапсинки с кустарниками, обнаружил красную пехоту, которая, в колонне по-четыре, под уклон, скорым шагом шла к Туапсе и уже опередила нас. Мы были отрезаны и здесь.... Повернув голову колонны - рукою указал на юго-запад, следовать за мною на какую-то "Чортову гору", покрытую лесом. И только что головные сотни "шарахнулись" туда, ломая на своем пути сухой валежник - как "на хруст" - красные жарнули по нас из ружей, со стороны шоссе. Это был, словно сигнал для полков - "спасайся кто как может!" И все полки, в полном беспорядке, бросились в лес, в горы. Треск сушняка поднялся такой, будто неслась гроза по лесу. Да и не удивительно! - бежало, ломало все на своем пути, до 2.000 лошадей, считая пулеметные и санитарные линейки. Что-бы не разорваться - кричу в массу своего полка: - "Держитесь сотенных знаков!"....

Все карабкаются в гору. За хрустом валежника уже не было слышно ружейного огня красных, но они открыли шрапнельный огонь "по площадям", чем еще более усилили и панику и стремление всех - как можно скорее и дальше уйти от красных.

Верхом пробиваться по строевому лесу с царапающимися кустарниками было уже невозможно. Многие спешили и, в поводу с лошадьми, стремились вперед, вперед. Спешился и я.

Сколо меня, разрывом шрапнели - разможжена лошадь казака. Кровь ее напомнила мне, что со мною где-то должна быть сестренка Надя. Оглядываюсь назад и вижу ее. Она вся пунцовая от пота. Ея юбочка вся изодрана, да так,

что для барышни это неприлично.... Но она ничего не видит. Она без своей маленькой шапочки.

"А где-же папаха, Надюша?" - спрашиваю.

"Да зацепилась за ветку... сорвало... но мне не до нея было" - отвечает она бойко. В поводу со своей гнедой кабардинской кобылкой, оказывается, она не оставала от меня.

В это время другим снарядот убивают лошадь следующего казака. Казак быстро снимает седло и карабкается дальше в гору. Оглянулся на сестренку - она побледнела... Для подбодрения - спрашиваю:

"Страшно, Надя?"

"С тобой не страшно, Федя", отвечает она, вновь покраснела, потому что сказала неправду, и улыбнулась.

- . -

Мы "на пупе горы". На нем нашли колесную дорогу, которая идет "куда-то и откуда-то"... По ней уже вытянулись казаки на юг. Орудийные выстрелы красных прекратились "на хруст". Они, видимо, потеряли наше направление.

Полкового адъютанта сотника Косульникова послал остановить впереди идущих казаков, т.к. надо выяснить - "что-же позади?... как наши пулеметы? Целы-ли?"... Но разве Сапунов бросит их? Он "оторвет" головы казакам если они бросят свои пулеметы" - думал я. И не бросил.

"Господин полковник!.. приходилось топорами рубить поперечные бревна-валежники, а нет - на руках переносить линейки!" - весело, с цыганским задором на своем цыганском лице - не то докладывает, не то рассказывает мне есаул Сапунов, и смеется и смеется сам, что мы попали в такую перепалку.

Я вижу уже и сам наши полковые пулеметы.... я вижу казаков-пулеметчиков и вижу лошадей в упряжках. Лошади все в мыле. Казаки без шуб, в одних бешметах, мокрые от пота, с папахами на затылок "от жары"...

Ну, пулеметы со мною - теперь не страшно.

НОЧЬ В П Р О С Т Р А Н С Т В Е . . . . .

"Подобрав хвосты" - скачу в голову колонны. Там нахожу штаб дивизии и полковника Кротова. Мы попали на какое-то плато на вершине кряжа. На нем редкий лес и площадки для посева. Гора, к западу от нас, скрывает солнце, но мы чувствуем, что оно на закате.

Здесь так тихо кругом! И будто этот уголок отрезан ото всего мира и ничего не знает о войне. Хочется лечь на спину на одном из пригорков и ни о чем не думать.

Обгоняя колонну, видел, что все сотни полка, будто-бы, в порядке. Вдали видно строение. Посылаю раз, езд. Там жители греки. По их словам определяю - гдв мы. Они сказали - что живут в массиве гор на юго-восток от Туапсе и на северо-восток от села Лазаревка. До них около 20-ти верст. Дорога туда по горам. Здесь не было ни белых ни зеленых. О последних не верю, но и не принуждаю грека божиться.

Непроходимое ущелье на запад смущает меня. Ночевать надо в горах. А если будет нападение - ущелье преградит нам дорогу. Грек говорит, что на той стороне, вератах в двух - живет его друг-грек. У него можно переночевать. И берется проводить нас. Я соглашаюсь. И уже с началом темноты - мы подошли к его другу. Старик и старуха приняли нас сердечно. Они продали нам весь свой запас сушеных лесных груш два чучала. С хлебом и под чай - они были очень вкусны. Нашли здесь и немного сена. Здесь, в дремучем лесу, продольная неглубокая котловина для пашни грека. Земля сухая, приятная для бивака. И - около 1.500 лошадей раскинулись на отдых.... на ночь

Разставив все 26 полковых пулеметов во все стороны могущаго быть нападения - позволил развести костры и заняться варкою пищи - у кого что есть... Казакам приказал держаться кучно. Не расседливая - коней сбатовать. А спать - "одним глазом"... И не прошло 10-ти минут - как в ночной горной тишине, в очень поэтической местности, окаймленной высокими крупными деревьями - запылали костры и загомонели казаки. Пройденный путь нашего бегства, казалось не существовал. Даже и наши лошади, в прохладе приятнаго весенняго вечера, не расседланные - тихо жевали то, что им давали хозяева.

Мы, штаб дивизии и штабы 1-го и 2-го Лабинских полков - сидели вместе, пили чай и делились впечатлениями о происшедшем. Наши старики - полковники Жуков и Кочергин - висев что-то "предполагали", что - "если-бы... да кабы раньше отступили... да если бы генерал Науменко сообщил-бы своевременно... то... иное было-бы"...

В их разговор я совершенно не вмешивался и во всем винил только полковника Семена Семеновича Жукова, очень мягкаго, приятнаго и так хорошо воспитаннаго офицера. Но этому приятному полковнику - я ничего не сказал об этом.

Где была Кубанская бригада, т.е. 1-й и 2-й Кубанские полки - мы не знали. Свой полк я проверил и он был полностью цел, за исключением одиночных казаков, ушедших, видимо, с другими полками. Но во 2-м Лабинском полку осталось в наличии только две сотни. Где были остальные четыре - никто не знал. Полагали, что оторвались и ушли куда-то на юг.

Полковник Кротов рассказал, что когда его полк на рысях подходил к селу Георгиевскому - в них, в упор, из окраин и слева, с возвышенности - неожиданно был открыт огонь. Появились сразу-же раненные. Первым был тяжело ранен полковой адъютант, бывший с ним рядом. И казаки, без команды, повернули назад и... драпанули.

Нужно безпристрастно констатировать: - красно-зеленные взяли нас своим огнем с трех сторон. Словно по расписанному заранее. Можно только восхищаться этой их военной тактикой. Но жаль, что "они били нас, но не мы их".

Таков был Великий христианский праздник БЛАГОВЕЩЕНИЯ 25 марта 1920г. для 2-й Кубанской казачьей дивизии.

Ровно два года назад, в тот же день, был разстрелян красными наш отец. Вот чем памятливы эти даты для меня....

О Т Х О Д   Н А   Ю Г . . .

Мы спали очень крепко, даже, безмятежно. Отдыхали нервы... К тому-же, я надеялся на свои пулеметы... Да и вообще - на свой полк, - поистине - и славный, и храбрый и послушный 1-й Лабинский полк. "Лабинцев не забудет Кубань!" - как сказал им генерал Улагай в станице Казанской. Правдивые слова!

На утро, неторопясь - двинулись куда-то на юг, имея конечную цель село Лазаревку, что на берегу Чернаго моря.

Но не тут-то было! Горная дорога - не степная дорога, видная по всю свою длину. Мы долго шли "крученою дорогою" и потом она неожиданно впала в горную реченку и... скрылась в ней.

Речка с крутыми берегами. Дно - сплошные галыши. И по ним, извиваясь в лесистом ущелье - течет ручеек.

Делать нечего. Спустились в него и идем вниз по течению, явно к морю.

Воды по колена лошадям. По дну камня и гальши. Дорога тяжелая, в особенности для пулеметных лент.

К обеду выходим на открывающуюся небольшую долину. Вдали видны постройки. Навстречу нам, из-за поворота, появляется верхом генерал Науменко с начальником штаба полковником Егорским и с несколькими ординарами. Как начальник всей колонны - команду "Смирно!" Полковник Жуков подъезжает к нему и что-то рапортует. А что? - я не слышу. Да и не хочу слышать.

Выражение лица у Науменко строгое. Колонна остановилась. Генерал не подает руки Жукову и громко "разносит" его, спрашивая: - "А где-же другие полки?"...

Других полков, действительно, не было с нами, о чем знал Науменко из каких-то источников.

Я впервые вижу генерала Науменко таким раздраженным, возмущенным, даже - злым. Но он не волнуется так резко и грубо, как волнуются обыкновенные строевые офицеры. Он, или не умеет так волноваться и кричать на подчиненного, или умеет достойно волноваться.

Он, безусловно, раздражен за разстройство его лучшей дивизии в корпусе, но - если "в самом разстройстве на поле брани" виновен исключительно полковник Жуков, то вина есть и командира корпуса, не предусмотревшего общего отхода от Гуапсе и одновременно не давшего указания дивизии, стоявшей от него за 25 верст в горах.

Я не хочу слушать "разноса" Жукова и остановился в стороне, и генерал Науменок, словно для передышки, словно для успокоения своих нервов - вдруг громко вызывает:

"Здорово Славные Лабинцы-ы!"...

"Здравия желаете - а - а" ... загудела длинная кишка колонны. Затем слышу голос Науменка:

"Полковник Елисеев - пожалуйста сюда!"

Считая себя совершенно не виновным в разстройстве дивизии - рысью подхожу к генералу и беру под-козырек.

"Полковник!.. Примите сей-час же командование над дивизией и приведите ее в порядок. Я на Вас надеюсь." - коротко говорит он и его лицо остывает строгим, суровым.

Здесь же стоит сконфуженный полковник Жуков, который совершенно не реагирует на все это. Мне его жаль. И мне неловко. Я так на много моложе его летами. И вот, назначен исправлять его ошибку.

"А Вы, полковник Жуков - можете ехать в безсрочный отпуск" - сухо и очень недоброжелательно говорит генерал.

Полковник Жуков, и летами, и сроком офицерской службы, старше Науменка лет на 10-15. Это, как-бы, неловко в таком обращении к старшему. Но - генерал Науменко был прав.

Жуков, старыми способами управления, основанными только на голых приказах, отдававших, к тому же, очень вяло - совершенно не годился командовать дивизией. Да думаю и не стремился к этому.

Мы идем с Жуковым и Кочергиным в головные колонны. Он не обижается на Науменка и не оправдывается. И мне казалось, что он с удовольствием поедет в тыл - в "безсрочный отпуск", как сказал командир корпуса, генерал Науменко. И невольно я вспомнил слова своего друга, Мишу Сменова, что - "стрелковая власть должна принадлежать молодым".

СВЯТАЯ ПАСХА В селе ЛАЗАРЕВСКОМ. Сотник Гончаров.

Полковник Литвиненко.

26 марта мы ночуем в селе, где-то у моря. Завтра, весь корпус переходит в греческое село Лазаревское. Село большое и я этому очень рад.

Завтра день Святой Пасхи. Его надо отметить. Вперед командирую обоз 1-го разряда и его начальнику, сотнику Гончарову - приказываю достать вина на весь полк и приготовить для всех Пасхальный стол.

Сотника Гончарова я знаю с 1915-го года. Он станичный учитель одной из станиц Лабинского Отдела и казак этой станицы. Осенью 1915 года прибыл прапорщиком в наш полк, в Турцию, на реке Евфрат. Ему тогда было лет 35. Он имел белокурую бородку, подстриженную клинушкой. Был разумный, степенный. Я был тогда хорунжим и полковым адъютантом, только что назначенным. И вот теперь - так сильно разны - и наши чины и должности.

Тогда мы называли друг друга только по имени и отчеству, теперь же - он "вытягивается" в положение "смирно" и титулует меня только по чину.

Я его попрежнему называю по имени и отчеству и посылая в Лазаревку - подчеркиваю:

"На Вас надеюсь... и Вы свой полк угостите как следует. Помните - как у нас было у Кавказцев?" улыбаюсь я ему и, безусловно, переношу его "в былую милую даль", когда наш 1-й Кавказский полк в Турции, в особенности при полковнике Эльмурза Мистулове - так дружно и весело праздновал все праздники.

"Постараюсь, господин полковник" - отвечает он. Я жму ему руку и он уезжает.

Дивизии у меня еще нет. Есть только полностью 1-й Лабинский полк и две сотни 2-го Лабинского полка.

С оркестром трубачей мы везжаем в село Лазаревское. Был очень серый день и совершенно не Пасхальный. Сотник Гончаров отлично справился со своим делом. Сотни разведены по квартиро-биваку. Офицеры полка, после станицы Дмитриевской - впервые собрались за довольно приличным столом под открытым небом. Вина было много. Гостями нашими был весь штаб дивизии с генералом Арпсгофен и офицеры 2-го Лабинского полка. Полковники Жуков и Кочергин выехали в Сочи.

К обеду неожиданно появился полковник Илларион Васильевич Литвиненко, мой бывший храбрый вандир 3-ей сотни Корниловского конного полка. Тогда, весной на Маньче 1919 года он был хорунжий и при мне произведенный в сотники. Теперь он штаб-офицер, но со мною говорит как подчиненный - умно, тактично. Я любил этого храброго офицера, но боявшегося смерти в боях, как и не боявшегося начальства, "рубя матку-правду" и самому властному генералу Бабиеву. Кстати сказать - Бабиев очень любил Литвиненка, или "Лытына", как называли его казаки-черноморцы.

На обед я посадил его рядом с собою. Первый мой тост за столом был поднят "за наши семьи, оставшиеся в безпомощности там, за горами, у красных". Я произнес его очень горячо... и мне так стало больно и жалко всех своих в станице, что я не выдержал и... зарыдал, склонившись на стол, бросив свою голову на руки. Это было так неожиданно не только что для присутствующих офицеров, но и для меня лично. Невыдержали нервы... Очень у многих появились слезы, а сестренка-Надюша, впервые бросившая отчий дом, бабушку, мать, двух меньших своих сестренек - она, как-то особенно вскрикнула, словно кто-то уколол ее чем-то очень острым и очень глубоко.

Момент был тяжелый и исключительно острый. Он показал, что у всех у нас бьется одинаково сердце, для которых семья, отчий дом - дороже всего на свете.

Но это был "только момент". Извинившись "за малодушие" - я продолжил свой тост словами: "Но, мы войны и наше дело - кровавая борьба до конца против наших поработителей, что-бы освободить наши семьи". /т.е. - Кубань/.

Второй - же тост был, обращенный к гостю, к полковнику Литвиненко - "За славный Корниловский конный полк, который, по своим боевым качествам, не уступает, даже, 1-му Лабинскому полку".

Я говорил не любезность а истинную правду. Литвиненко незамедлил ответить следующими словами:

"Под Ставрополем, отступая от Маныча - мы слышали о подвигах славного 1-го Лабинского полка.... Мы были рады, что были еще Кубанские полки, как и наш Корниловский-Бабиевский, непотерявшие сердце. Но кроме того - нам было приятно знать, что славным 1-м Лабинским полком командует наш бывший командир-корниловец, доблестный полковник Елисеев, которого мы "досі любимо і уважаємо".

/В самые интересные моменты, радостные или печальные, Литвиненко, как истинный Черноморский казак, для легкости изъяснения своих чувств - всегда переходил на свой родной язык/. Дальше он продолжал:

"И я надеюсь, что если-бы наши полки были бы под командой доблестного генерала Бабиева - мы показали бы красным свою силу. А пока что/опять он перешел на свой язык/ - подымаю бокал цій за славный Ваш полк и за Вашего командира полковника Елисііва".

Напоминание о Бабиеве - меня взволновало. У меня было два чувства к нему: - одно - восхищение его молодецкою доблестью в боях, всегдашним его воинственным задором, безпредельной преданностью воинскому делу, коннице, Казачеству, а другое - личная, незаслуженная, обида, которую я описал в брошюре №14-й "С Корниловским конным полком, 1919г.".

Я тогда еще не знал, что Литвиненко был послан Бабиевым ко мне "разведать" о моих чувствах к нему.

Литвиненко был умный самородок. Образование - городское училище, а потом школа прапорщиков. Но он так полюбил военное дело и так ему нравился Бабиев, как и Бабиеву Литвиненко, будучи еще хорунжим на Маныче, что последний стал для него "как ударный офицер" - в хорошем, мужском и офицерском понимании этих слов - правдивый, прямой, безхитростный, воински отчетливый, который, если надо отстоять правду - скажет в глаза и самому властолюбивому Бабиеву. Зная, что я люблю и ценю Литвиненка - он и прислал его ко мне, как бы случайно, на эту "разведку души".

После тоста Литвиненка - я сказал о Бабиеве в ответном тосте, подчеркнув, что он наш коренной Лабинец, сказал о его геройской 3-ей сотни 1-го Лабинского полка на Турецком фронте с 1914 года, когда он был в чине сотника, закончив о его настоящем положении, которого мы ценим, любим и поддерживаемся.

Тост был принят восторженно. Литвиненко сиял. Потом, наклонившись ко мне, тихо спросил: - "Ну, а Вы, Федор Иванович... как Вы лично к нему относитесь?... Пошли-бы под его командование?"

Вопрос был презренный. Воинская дисциплина такого вопроса не ставит. Все должны идти под командование старшего в чине, хотя бы он лично кому и не нравился.

Я и раньше слышал от офицеров-корниловцев, что Бабиев сожалел о своем поступке со мною. Я знал, что духовного удовлетворения "в казакоманстве" будь то гарцеванье в седле, широкая пирушка с лезгинкой и песнями, азиатский шик в одежде - он не мог найти. Недаром-же он с самого начала нашего знакомства в Турции, когда он был сотником а я хорунжим - назвал меня

"младшим братом", дав имя "Джембулат". Отвечая взаимностью и видя в нем исключительно интересного и оригинального офицера, с пафосом старых Лейнинских казаков - я, при интересных и веселых времяпрепровождениях, всегда называл его/и при посторонних/ - "мой старший брат, Хаджи Мурат", т.е. - этим именем, сравнивал его с героическим именем соратника Шамиля, по повести Л.Н.Толстого "Казачьи". Это Бабиеру очень нравилось. Такие взаимоотношения продолжались до производства его в генералы в самом начале 1919 года. И, как оказалось в жизни, власть и большие чины портят человека. Это касается ни одного генерала Бабиера....

- . -

Пасхальный обед прошел отлично. "Веселых" не было, но все были в хорошем повышенном настроении. Казачий борщ, отбивное мясо, жареное мясо, фруктов-ный взвар, вино, хор трубачей - все это вместе взятое, конечно, не могли не размягчить любую душу, да еще после того, как мы ровно три недели жили и воевали в горах по-звериному и впроголодь.

Полковник Литвиненко сразу же уехал после обеда в тыл, обнадеженный моими положительными чувствами к генералу Бабиеру.

В О И Н С К А Я   Э Т И К А.

Обед закончился с темнотою. Все офицеры разошлись по своим квартирам. С начальником штаба мы вошли в нашу маленькую комнатку. Хозяйка-гречанка лет под 30-ть, статная, веселая, с правильными чертами матового лица - брюнетка, извинилась перед нами за свою бедность, приготовив на ночь единственную кушетку.

Быстро снимаю свое оружие впервые за месяцы отступления и приказываю казаку раскинуть бурку на полу.

"Федор Иванович... Вы будете спать на кушетке" - вдруг говорит мне генерал Арсгофен.

"Что-о?!... ну, нет, Ваше Превосходительство... кушетка только для Вас" отвечаю ему. "Я молод.. я буду спать на полу".

"Нет!.. Вы не будете спать на полу! Вы мой начальник дивизии, а я только начальник штаба дивизии, почему - Вы будете спать на кушетке, а я на полу" - сухо, серьезно говорит он.

"Ну, нет, Ваше Превосходительство!... Этого совершенно не будет... и не будем об этом говорить. Ложитесь и отдыхайте, Ваше Превосходительство" - сказал и повернулся к бурке, уже разосланной на полу. Генерал быстро схватил меня у локтей и вновь серьезно, безапелляционно повторяет:

"Федор Иванович - Вы этого не сделаете! Вы начальник дивизии и для престижа - Вы должны спать по-человечески, на кушетке!"

"Да что Вы, генерал?" - вмешивается вдруг так неожиданно Надюша. "Федя никогда не ляжет на кушетке!... и не упрощайте Вы его... Вы, ведь, старше!" - так-же безапелляционно вмешивается сестренка, воспитанная в строго патриархально.

"Надюша!... Вы молода и ничего не понимаете! Ваш брат должен спать там!" - сказал и указал рукою на кушетку.

Что-бы окончательно урезонить генерала-старика - весело-шутливо говорю:

"Ваше Превосходительство! Мы обратимся к посреднику... вот, к есаулу, нашему начальнику команды связи /Фамилию его не помню. Два брата, офицеры из учителей станицы Ново-Троицкой, давно служили при штабе дивизии/.

Есаул выше среднего роста, склонный к полноте, при револьвере, кинжале и шашке у пояса поверх гимнастерки - молча слушал наш диалог.

"Как по-Вашему, есаул? ..Кому спать на кушетке?" - спрашиваю. Он по-семейному отставил ногу вперед, склонил голову к низу, правой рукой взялся за ус - медленно, философски произнес:

"Канешна...начальник штаба генерал и старый человек... Все это правда. Но он, все-же, только начальник штаба... а Вы, господин полковник - начальник дивизии...поэтому - кушетка на ночь должна принадлежать Вам". Сказал, и в той-же меланхолической позе остался. Генерал, словно ужаленный, приняв положение "смирно", и обращаясь к есаулу ответил с таким достоинством и гордостью, которого я от него никак не мог ожидать:

"Я не только что генерал и начальник штаба дивизии!...а я есть отпрыск рыцарской старинной Австрийской фамилии баронов А р п с г о ф е н. И Вы, есаул - н е в е ж а!"

Мне стало неловко за есаула, так неумно и грубо обошедшего со старым генералом.

"Вы, есаул, ничего непонимаете. Идите в себе... и оставьте нас с Его Превосходительством" - говорю ему. И когда он вышел - я ласково, по-сыновьи, извинился перед ним за неучтивость есаула и просил занять кушетку.

"Федор Иванович... я сказал - кто я. Но Вы для меня всегда начальник дивизии. Вас я так-же понимаю. И благодарю Вас за это. Но так как вопрос стал на острую точку - пусть на кушетке спит Надюша. А мы с Вами будем спать на полу"... - закончил он.

И на кушетке - спала Надюша.

Этот случай я привожу для того, что бы показать тонкость немецкой дисциплины. И только позавчера, этот же генерал-старик, когда шрапнельным огнем красные гнали нас в гору - я видел, как он не отставал от меня, с лошадью в поводу, весь мокрый от пота, без фуражки, которую потерял в лесу, но на лице была улыбка, а не растерянность. И он, почему-то, прильнул ко мне когда полковник Жуков дал мне "власть" - пробить дорогу и...уйти полкам.

КАЗАЧЬЯ СЛАБОСТЬ. . .

На утро весь корпус выступает дальше на юг. Позиции занимают пластуны генерала Морозова.

Уж полк выстроился, как офицер-ординарец из штаба корпуса привез мне от генерала Науменко записку, в которой сказано, что - "вчера ночью, казаками 1-го Лабинского полка разграблено и выпито вино у одного грека". Он предлагает уладить этот вопрос по моему личному усмотрению.

Кровь бросилась мне в лицо. Сам Науменко пишет, что "казаки храброго полка - ограбили жителя-грека". Это если и не упрек со стороны генерала, то, во всяком случае - неприятность лично для меня. Тут-же стоит и хозяин-грек, по-восточному смиренно сложив свои руки на груди. От него я узнал, что взято ведра 3-4 вина и не уплачено. Скрывать нечего...

Полковой оркестр гремит встречным маршем. Жестом руки останавливаю его, здороваюсь с казаками, густой массой раскинутому по долине в резервной колонне. В полку было уже до одной тысячи шашек. И сразу-же громко говорю:

"Славный и храбрый 1-й Лабинский полк!... которого так любят генералы Улагай и Науменко - оказался г р а б и т е л е м!" режу ряды казаков.

"И если-бы взяли хлеб, зерно - я понимал-бы!.. и не осудил-бы!.. потому, что мы голодны! Но взять вино - не простительно!.. И я не хочу знать - какая сляктя это сделала!.. И весь полк здесь невиновен! Все уплачено будет из полковых сумм... Славный храбрый полк не должен быть запачкан тремя ведрами вина!"

Грек-хозяин долго и молча кланяется, а полк, под звуки трубачей - вытягивается в поход.

Г Е Н Е Р А Л   Х О Р А Н О В.

Как красиво Черноморское побережье! Я здесь впервые. Справо--назаچه Запорожское "Сине море"/Синее море, как они называли Черное море/ Слево - массивные края, покрытые густым лесом. Шоссе извивается длиннейшею змеек И так тепло здесь! - за Кавказским горами!

Полк опускается в широкую долину. Вездѣ видны бывшие биваки прошедших полков. Но на ней стоят и еще войска. Наш корпус считается арьергардным.

Меня вызывает к себе генерал Науменко на дачу-дворец Герцога Лейтенбергского. Он стоит в глубине долины, у самых гор. К нему, ко двоцу - перпендикулярное шоссе, обсаженная деревьями. Рысью иду туда и на пол-дороги встречаю Науменка, начальника штаба корпуса полковника Егорова и с ними генерала Хоранова, нашего "Кавказского Уджую" по мирному времени. В чине генерала я вижу его впервые. Соскочив с седла "козыряю" генералу Науменко и поздравляю Хоранова.

"За что?.. С чем?" - недоуменно спрашивает он.

"Да с чином генерала, Валентин Захарович!" - обращаясь с ним как однополчанин по Мерву.

А-а... да это было уже давно" - будто нехотя, "по-генеральски" отвечает он, словно и не хочет говорить с "молокососом-полковником". Я вижу, что он и с генералом Науменко теперь говорит "просто", держа руки за спиной и глубоко размышляет "о том и о сем".

У него на груди, почему-то, офицерский крест 4-й степени, которого я никогда не видел и не слышал, что бы он был гагражден в Великой войне. Мы то, офицеры "Трех Кавказских полков" знаем - кто и какие боевые ордена заслужил!

Генерал Науменко все это заметил. Он улыбается и подморгнув мне незаметно для других, как-бы загадочно говорит: - "А помните станицу Ладожскую?"...

Я помню ее и знал от Науменка, что Хоранов там требовал от него представления в чин генерала.

4-я Кубанская дивизия генерала Хоранова стоит здесь. Здесь-же остановился и штаб корпуса. 2-й Кубанской дивизии приказано пройти в следующее ущелье и там стать биваком. А мне приказано лично проехать в Сочи, "почистить" обозы от казаков всей дивизии. По сведениям - где-то там находятся 1-й и 2-й Кубанские полки и четыре сотни 2-го Лабинского полка. Их надо найти и привезти сюда.

Прощаясь с присутствующими, возвращаюсь назад к полку и, оглашая широкую долину хором трубачей - иду к перевальчику.

П О Л К О В О Е   Б Р А Т С Т В О.

Слева от шоссе, биваком стоит какой-то полк. Издали вижу воткнутые в землю сотенные значки по биваку с черными конскими хвостами на них. То стоял Корниловский конный полк.

На звуки хора трубачей казаки приближаются к шоссе, что бы послушать

музыку и узнать - "какой это полк идет?" - так бывает всегда в частях.

Зная ревность Корниловцев, что их полк самый лучший в Кубанском Войске - посылаю ординарцев, что бы каждая сотня проходила с песнями. На шоссе уже много офицеров и казаков-корниловцев. Кто-то командует "смирно". Невыдерживаю и громко здороваюсь с бывшим родным мне полком и потом, подойдя к ним - с седла жму руку офицерам. А 1-й Лабинский полк идет и идет с музыкой, с песнями и, кажется, ему конца нет по своей многочисленности.

"Да и большой-же Ваш полк, господин полковник!" говорит кто-то из офицеров.

"Да, ведь, это 1-й Лабинский?" - поддеваю их, улыбаясь /Корниловский полк тогда насчитывал около 400 шашек/.

"А где Жорж?" спрашиваю /наш третий брат/.

"Он в Сочи... поехал обмывать чин есаула" - отвечают.

"Разве?... произведен в есаулы?" удивленно спрашиваю и в душе рад за брата, моложе меня на 4 года.

"Так это-же Корниловский полк!" острит кто-то, вторя на мою шутку о Лабинском полку.

"Знаю, знаю", поощряя их. и мы все весело улыбаемся, зная, что каждый любит свой полк и гордится им. Откозырнув им, храбрым соратникам, и повернув круто кобылицу - поскакал в голову колонны Лабинцев.

С Е С Т Р Е Н К А - Н А Д Ю Ш А.

Она совершенно изодрала свой женский костюм во время нашего отступления-бегства 25 марта. От всех кое-как собрали ей полный казачий костюм с черкеской. После тифа - у нея бритая голова, почему совершенно не похожа на девочку. В походе она идет рядом со мною в седле на моей гнеденькой кобылице-кабардинке и встречающиеся считаю ее моим младшим братом. Кстати, она и лицом похожа на меня.

В переходах - я часто любовался ею в седле, но и думал: - Куда она идет с войсками? Насколько времени? Что ее ждет впереди? Что думают о ней в станице бабушка и мать? И знал - думаю, конечно, плачут.

Надюша так же часто думает "о доме", вбирая в это слово, первым долгом мать нашу. Но я вижу, что ей здесь, с войсками, приятно быть, все ей здесь нравится и ежели бы ей предложить на выбор - она, все же, предпочла бы остаться здесь, несмотря на ее беспокойство "о маме".

Бедное и несчастное дитя! Могла-ли она здесь думать - какая жестокая смерть ждет ее скоро...

Р А З С У Ж Д Е Н И Я. . . .

Полк расположился биваком в каком-то ущелье. 28 марта, рано утром, я выехал в Сочи "собрать дивизию". По птичьему полету, до него 50 верст, а по-змеинообразному шоссе, конечно, гораздо дальше. Верхом идти долго и утомительно. Ординарцы где-то достали местный двухместный экипаж "в душу" на резиновых шинах и я решил ехать в нем. В Сочи находился и наш старший брат Андрей, войсковой старшина 1-го Кавказского полка. Надюше очень хотелось повидаться с ними и я взял ее с собою. За начальника дивизии оставил генерала Арпсгофена а полком назначил командовать полковника Булавина.

Приятно гарцевать в седле перед полком, но в тот день, когда я выехал в экипажке на резиновых шинах "дуга с пристяжкой", окунувшись в мягкое сиденье, беззаботно предавшись своим мыслям, а порою совершенно ни о чем не думая, я получил новое и неведомое мне удовольствие - удовольствие "свободы", удовольствие существа, нядумавшего ни о себе, ни о казаках, ни о

лошадях, которые голодают ежедневно...

В С О Ч И. В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ АРМИИ.

ЛУКА БАРАНОВ.

К вечеру прибыли в Сочи. Следую в комендантское Управление, что бы получить комнату в гостиннице, т.к. город переполнен. Комендантом города был генерал Косякин, соратник Шкуро, после которого, под Воронежем, я принял в командование 2-й Хоперский полк. Комната дана незамедлительно.

Умывшись - отправился искать исчезнувшие полки - 1-й и 2-й Кубанские и четыре сотни 2-го Лабинского полка. Они оказались за городом.

"Почему Вы здесь?" - спрашиваю командиров полков А.И. Краченко и Ивана Гетманова. Они не оправдываются, а возмущаются - как полковник Жуков мог допустить такую западню своей дивизии 25 марта! Они, невольно оторвавшись в лесу от дивизии - всю ночь шли куда-то на юго-запад, пока не дошли до моря... и село Лазаревское, как оказалось, осталось позади них. Думая, что и остальные полки "пробиваются" так же - двинулись дальше и на второй день прибыли в Сочи. Но дивизии здесь не нашли и... ждут ее.

Их оправдание было больше чем наивное. Они просят дать отдых полкам на три дня и тогда вернутся на фронт, к дивизии.

Телефонограммой все сообщаю генералу Бауменко, получаю удовлетворительный ответ и оставляю своих друзей-полковников "отдыхать".

Нахожу свой обоз 2-го разряда, который вижу впервые. Им командует войсковой старшина Лука Кононович Баранов, казак станицы Спокойной, - старый Лабинец, отличный офицер. С ним я был знаком по Турции, но с тех пор не видел.

Здесь интересно привести мнение о нем Бабиева, когда он был командиром Корниловского полка, рассказывая мне на досуге о былых временах его 1-го Лабинского полка.

"Лука /так его называли в полку/ - отличный офицер. Окончил взводным портупей-юнкером Елисаветградское кавалерийское училище в 1911-м году и прибыл в наш полк. Перед войной 1-й Лабинский полк был в Персии, ведя вооруженную борьбу против курдов, племени Шаксевен, возставших против своего Шаха. За бои, Лука был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, что в мирное время считалось исключительно высокой наградой" и добавил: "Даже я не получил такого ордена". Но вот настала война 14-го года, и Лука, не только что "отвинтил" все свои гайки, но и расбросал их, став полковым казначеем. А ведь какой отличный офицер!" закончил он.

Лука Баранов высокий, стройный, рыжий, лицо с веснушками. Веселые, умные, чуть смеющиеся глаза. При этой встрече мы вспомнили старый их полк по Турции. Вспомнили и многих офицеров - Рафаловича, Абашкина, Венкова и других. Остановились и на Коле Бабиеве, тогда только сотнике, а теперь, вот, генерал-лейтенанте ровно через пять лет. Лука был остроумный. Рассказывает:

"Наш полк, как Вам известно, стоял в немецкой колонке Еленендорф, под Елисаветполем. Интересные немочки. Перед балом, Коля Бабиев говорит нам, хорунжим - ну, господа - сегодня всем быть на балу в белых черкесках и при черных бешметах... Иль - быть всем в черных черкесках и при белых бешметах, что-бы "нарезать" перед немочками! Коля был отличный офицер, но властолюбивый. Мне это не нравилось. И я нарочно запаздываю на бал и являюсь на него - или в ярко-красной, иль, даже, в ярко-зеленой черкеске... "Ну, вот, Лука - вечно напортит!" возмущается он, увидев меня и... вечер для него испорчен... а я радуюсь этому" - смеется он и теперь, рассказывая о Бабиеве.

После отступления от Оскола 2-го Кубанского корпуса - 2-я дивизия, в январе 1920 года, пополнялась в своем Лабинском Отделе. Обоз оставался до конца там и отошел на Черноморское побережье самостоятельно. Умный Баранов все предусмотрел и у него есть запасы муки и другого провианта. Меня это очень порадовало.

Я прошу его не держать при обозе лишних казаков и направлять в полк. Он улыбается и, даже, повел рукою в воздухе - отвечает: - "Ни-ни, господин полковник! И не беспокойтесь об этом. Я то знаю казаков! Я им, просто, не выдаю пищи. И кормлю лишь тех, кто у дела при обозе".

И действительно - обоз был корошечка казаками. Застотливый Баранов, получая где только возможно продукты, довольно прилично по тем временам, снабжал ими свой полк, стоявший на фронте.

По-соседству обнаруживаю обозы Кавказских полков, навешаю их и там встречаю старых сослуживцев. Их обозы так-же не бедны. Под сенью деревьев короткая закуска с водочкой и мы идем в город. В нем много военных учреждений, потому и много военных чинов на улицах. На базаре купля-продажа и обмен между ними. Все это было более чем странно и недопустимо. Какая-то воинская часть идет по улице. Офицер требует "держать ногу". Кто это? - спрашиваю.

"Да это Шкуринцы... все занимаются строем", отвечает мне кто с неудовольствием.

Шкуро был прав. Войска нельзя оставлять в бездействии. Поэтому то, свободные от службы и обязанностей - и толклись "на толкучке-базаре"...

ОПЯТЬ В СВОЕМ ПОЛКУ. ВОЙСКОВОЙ СТАРШИНА Т К А Ч Е Н- К О.

Из Сочи даю телефонограмму в полк о часе своего прибытия. На усталых своих кобыленках "дуга с пристяжкой" в, ехал в свое полковое ущелье когда начинало т мнеть, но был еще день. И что-же я увижу?

Вдоль линии сотенных биваков горели костры высоко пламенем вверх. Они горели так потому, что сушник-поленья были поставлены пирамидально, почему пламя вилось к небу.

Что такое? - думаю. Дальше вижу - казаки быстро бегут и строятся в резервную колонну. Из палатон выскакивают офицеры, бегут к своим сотням, на ходу пристегивая оружие. Войсковой Старшина Ткаченко что-то очень активно распоряжается. Бежит на мой фланг хор трубачей. Потом я слышу громкую команду:

"1-й Лабинский полк... СМИ-ИР-НО-О! ГОС-СПОДА ОФ-ФИЦЕ-ЕРЫ-Ы !"... и хор трубачей грянул "Встречный полковой марш".

Ткаченко, в гимнастерке и при полном оружии, скорым шагом идет в мою сторону. Я останавливаю своих усталых лошадей, выскакиваю из своего ит рупечного дачного фаэтончика, быстро направляясь к нему, тревожно думаю: - "Уж не случилось-ли что в полку неприятного?"

Ткаченко, по всем правилам уставного параграфа, останавливается в 6-ти шагах и рапортует:

"Господин полковник - в 1-м Лабинском полку генерала Засса"... я слушаю рапорт, смотрю на него удивленно-тревожно, думаю, что вот-вот он скажет что-то ужасное, случившееся в полку за время моего отсутствия... Но он лаконически-отчетливо закончил: - "ПРОИЗШЕДСТВИЙ НЕ СЛУЧИЛОСЬ".

Я легко вздохнул, даю ему руку не сводя с него своих глаз и спрашиваю:

"Что это за церемония?... Почему?"

"Так решили господа офицеры" отвечает он и улыбается в свои умные серые глаза.

"А где-же полковник Булавинов?" - спрашиваю.

"Занездоровил" - отвечает.

Я все понял и улыбаясь, говорю:

"Это Ваша фантазия .... зачем это?"

"Никак нет, господин полковник. Это хотели все офицеры". Но я то знаю, что это не так! Он отличный офицер. Все годы гражданской войны провел в должности командира сотни Войскового учебного конного дивизиона и любит военную службу, со всеми ее артиклами.

Церемонию не отменишь. Полк стоит в положении "смирно". Оркестр уже третий раз повторяет Встречный марш. Надо здороваться с полком и что-то ему сказать и сказать хорошее, бодрящее, потому что, в те дни - многие уж не хотели воевать... 1-й же Лабинский полк - оставался до конца вполне бое-способным.

Генерал Науменко потом, в своих заграничных воспоминаниях через четыре года напишет:

"Злой рок над Белым движением не дал нам победу. Стойкость, храбрость, кровь и жертвы Лабинцев пропали даром. И совсем не то бы было - если бы мы победили".

На мое приветствие полк ответил бравурно. Поблагодарив за порядок на биваке, где было, действительно, все выметено и вычищено - я их порадовал, что в Сочи жизнь бьет ключом и наша дивизия скоро усилится прибытием 1-го и 2-го Кубанских полков. Это были пустые мои слова, но их надо было сказать - иначе казакам было бы скучно.

Господ офицеров, оказывается, ждал общий ужин. Достали где-то барашка и был приготовлен шашлык. Все это была работа моего второго помощника, войскового старшины Ткаченко. За ужином я заметил, что он, словно еще "глава полка" - очень цукательно распоряжался офицерами. А сотник Андрей Косульков, сослуживец по Турецкому фронту а теперь мой полковой адъютант, с кем я был в очень доверительных взаимоотношениях - потом сказал: - "За четыре дня Вашего отсутствия, Федор Иванович, - он вацукал нас всех"...

Ткаченко был отличный офицер. Умный, гордый, хорошо воспитанный и воински и светски. И он останется с полком при капитуляции Кубанской Армии, что-бы разделить всю горечь поражения со своими казаками.

Полковник Елисеев.

Записано в июне 1941 года во Французской колонии Индокитай и сокращенно издано в Нью-Йорке, в августе месяце 1963 года.

- . -

К П О Д П И С Ч И К А М.

Покупаю следующие свои старья брошюры, за которых плачу половинную их стоимость:

1. "В Храм Войсковой Славы",
2. "С Корниловским конным полком",
3. "История Кубанского Войскового Гимна" и
4. "Генерал Эльмурза Мистулов".

Остальные брошюры у меня имеются, т.к. увеличил их тираж.

Через меня можно выписать интересные книги - воспоминания казаков:

1. - "Жизнь и судьба одного казака", автор Г.А. Солодухин, цена 2.50 и
2. - "Гибель Уральскаго Казачьяго Войска", автор Л.Л. Масянов. Цена 4 дол.

/В обоих книгах много иллюстраций/. Ф.Е.